

УДК 81'25

АНТРОПОЦЕНТРИЗМ И ТЕКСТОЦЕНТРИЗМ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ И ФИЛОСОФИИ ПЕРЕВОДА

И. С. Алексеева

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(г. Санкт-Петербург)*

Поступила в редакцию 30 мая 2013 г.

Аннотация: статья посвящена ретроспективному обзору взглядов на перевод – от первых прескриптивных обобщений Цицерона и стройной средневековой иконической теории, базирующейся на взглядах неоплатоников, до функционализма XX века и концепции деконструкции – и тому месту, которое в сменяющихся концепциях занимает текст, с одной стороны, и человек, который этот текст создает, переводит и воспринимает – с другой стороны. Антропоцентризм и текстоцентризм в современной теории перевода взаимно дополняют друг друга: антропоцентрические подходы не полны без понятия «текст», поскольку тексты – продукция переводчика; текстоцентрические подходы не могут не учитывать человеческий фактор, а соединяются они в рамках деятельностной парадигмы.

Ключевые слова: теория перевода, тип текста, антропоцентризм, текстоцентризм.

Abstract: A retrospective description of several views at translation is given in the article: from Cicero's first prescriptive generalizations and the medieval iconic theory based on Neoplatonists' views to the 20th century functionalism and deconstruction. The author analyzes the significance and the place such factors as «text» and «human being» have in the theories of translation. A brief review of the anthropocentric and textocentric tendencies in modern translation studies proves that both approaches are complementary: anthropocentric approaches are incomplete if we ignore the concept of «text», texts being products of translator's work, while textocentric approaches can not but take into account the «human factor». These approaches are joined in understanding translation as an activity.

Key words: translation theory, type of text, anthropocentric perspective, text-oriented perspective.

Теория перевода прошла в своем формировании и развитии множество этапов. От первых прескриптивных обобщений Цицерона и стройной средневековой иконической теории, базирующейся на взглядах неоплатоников, – до функционализма XX в. и концепции деконструкции.

Оглядываясь сегодня на разнообразие существующих подходов и концепций и стремясь их как-то упорядочить в восприятии, мы можем доказательно утверждать следующее:

1) теория перевода является самостоятельной наукой, так как имеет собственный объект изучения: процесс и результаты перевода;

2) теория перевода, находясь всецело в сфере гуманитарного знания, является наукой филологической, поскольку материалом исследования теории перевода всегда оказываются тексты, представляющие собой речевую реализацию языков;

3) теория перевода, занимаясь, как всякая наука, моделированием своего объекта, включает антропологический (человеческий) фактор в свои модели.

Научно-исследовательская парадигматика транслатологических исследований неоднородна и отнюдь не представляет собой линейной смены парадигм. Однако даже выборочный ретроспективный обзор позволяет выявить важные закономерности, свидетельствующие о ведущих, приоритетных качествах научных обобщений в сфере теории перевода.

Обратимся к некоторым, значимым, на наш взгляд, этапам формирования теории перевода, прослеживая наличие и место факторов «текст» и «человек».

Как известно, первые попытки обобщений переводческой деятельности относятся к эпохе римской античности. В частности, Марк Туллий Цицерон (II–I вв. до н.э.), формулируя принципы того, что в наши дни называют эквивалентностью, говорит о необходимости «соотносить языковой облик подлинника с ощущениями языка и стиля, присущими римлянину, и так соотносить, чтобы сохранились все достоинства оригинала» [1, с. 296]. Уже в этих ранних формулировках, облеченных в форму непререкаемых, прескриптивных постулатов, отражено побуждение

учитывать антропологический, человеческий фактор, поскольку средством достижения эквивалентности оказывается «ощущение языка и стиля, присущее римлянину», именно оно, это ощущение, становится объективным мерилем правильности перевода. Однако и тогда, и на протяжении многих последующих веков в центре внимания исследователя остается все-таки текст, необходимость сохранить «достоинства оригинала». Вместе с тем в этом поступательном процессе выработки представлений о переводе есть эпоха, отодвинувшая оба понятия – «текст» и «человек» – на периферию представлений о переводе, и эта эпоха – Средневековье.

Стройная теория перевода Средних веков, опирающаяся на философию неоплатоников и прежде всего – на ее изложение в версиях Блаженного Августина и псевдо-Дионисия Ареопагита [2, с. 17–73], полностью отказывается от понятия «текст», прецедентно присутствующего в дохристианских обобщениях, а также и от представления о человеческом происхождении как исходного, так и переведенного текста. На первый план выступает представление о «Слове творящем», слове в иконическом его понимании, которое при переводе на другой язык находит одно-единственное соответствие, вернее, это соответствие существует заранее, и человеку остается только обнаружить и установить эту единственно верную связь. От человека-переводчика, таким образом, здесь ничего не зависит. Отсутствует и понятие текста как языкового образования, поскольку средства выражения не важны, а само текстовое произведение – трансцендентно. Средневековая теория перевода сосредоточивает наше внимание на понятийной сути слова и абсолютизирует ее, но именно она создает традицию внимательного отношения к семантике слова в процессе перевода.

Существенные коррективы в осмысление и трактовку перевода вносит XVI в., и прежде всего – взгляды Мартина Лютера на перевод Библии. Принципы перевода, сформулированные им в знаменитых 95 тезисах и нескольких посланиях [3], включают полную передачу содержания и общепринятый язык перевода. А передачу содержания – при необходимом наличии твердой веры, разумеется, – осуществляет не кто иной, как человек, «толковник», используя свой навык герменевтического подхода, столь детально разработанный еще в средневековых монастырях. Так, в представлениях о надлежащем переводе появляется антропологический фактор. Сквозит этот фактор и во втором принципе Лютера: ведь призыв переводить на общепринятый язык означает неприменный учет привычного восприятия, привычной речи тех, для кого перевод предназначен. Схема: определенный человек-посредник (= транслятор) переводит для определенных людей – очень напоминает современ-

ную модель межъязыковой коммуникации, однако не содержит параметра ответственности этого транслятора за переведенный текст, как и представлений о средствах (технике) достижения своей цели.

Убежденность в важности миссии переводчика как культуртрегера становится первостепенно важной в эпоху Просвещения, в XVIII в.; в то же время резко снижается статус оригинала, исходного текста, который рассматривается теперь как сырой материал. В этой концепции все связано с человеком: и полезное просветительское содержание, и необходимая для его передачи форма. Однако «продукцию» той эпохи сложно назвать переводом в современном смысле слова; это, скорее, вторичный текст, связанный с подлинником иногда очень слабо (подробнее см. [4, с. 52–125]). Вместе с тем именно начиная с XVIII в. за переводчиком закрепляется центральная роль в вербальном культурном общении в тех случаях, когда разница языков служит такому общению препятствием.

Представление об этой роли сохраняется и в следующий, романтический, период, когда задача переводчика становится на порядок сложнее – передать в переводе национально-культурное своеобразие подлинника. Собственно, в этом качестве переводчик и запечатлевается в сознании людей на протяжении всего XIX в. и первой половины XX в., а акцент в исследовании переводческих проблем переносится на переводимый текст и поиск закономерностей его передачи, переводчик же рассматривается как инструмент вероятной успешной передачи выявленных особенностей подлинника. Филологический метод всестороннего анализа текста сосредоточивается по умолчанию исключительно на художественных текстах, что не позволяет теории перевода обрести достаточно широкую базу для обобщений, ведь львиная доля порождаемых человечеством текстов остается вне внимания исследователей. Область художественного словесного творчества, плоды которого индивидуальны по своей сути и в каждом своем проявлении, оказывается наиболее сложной для выработки единой теории, вдобавок к этому на материале литературных текстов исследователи пытаются вскрыть объективные языковые закономерности, и в этих попытках априори кроется противоречие. Ибо выявленные закономерности остаются в сфере сравнительной лингвистики (компаративистики) и очень мало имеют отношение к производимому человеком переводу и его результатам.

На этом фоне отчетливо выделяются теоретические концепции, нацеленные на описание отношений эквивалентности перевода оригиналу, то есть переводческие соответствия в рамках конкретных текстов. Одной из наиболее логичных концепций такого рода представляется концепция полноценности перевода,

принадлежащая А. В. Федорову и сложившаяся еще в 30-е гг. XX в. Фактически она опирается на тот опыт филологического подхода к художественному тексту, который складывался на протяжении предшествующих полутора веков. Необходимость полноценной передачи содержания путем воспроизведения функции стилистических средств подлинника [5] предлагается в качестве универсального условия эквивалентности любого перевода, однако материал, на основе которого делаются обобщения, красноречиво говорит: выявленные закономерности касаются только художественного текста, ведь описанные автором явления в текстах других типов попросту не встречаются. Итак, понятие «текст» и сам текст привлекаются лишь в качестве источника языковых средств; фактор «человек» также остается на периферии концепции и присутствует в ней лишь косвенно, поскольку материалом являются только произведения конкретных переводчиков. Сам перевод, согласно концепции полноценности, от переводчика зависит лишь в том смысле, насколько верно он сможет соблюсти заложенные в языках закономерности. Это довольно типичный подход для середины и второй половины XX в. В то же время, именно А. В. Федоров по прошествии нескольких десятилетий первым заговорил о необходимости изучения индивидуальных стилей переводчиков, ощущая научную неизбежность антропологического подхода как реализации новой теоретико-исследовательской парадигмы [6]. Однако наиболее решительную «смену вех» мы наблюдаем несколько раньше, в 50–60-е гг. XX в., когда о своей концепции динамической эквивалентности заявляет Юджин Найда [7]. Суть концепции общеизвестна: перевод эквивалентен подлиннику, если реакции людей на оригинал и на перевод совпадают, а переводчик становится экспертом и инициатором тех лингвокультурных поправок, которые необходимы для обеспечения равенства реакций. Впервые мерилom эквивалентности становится человек. При этом особенности и типические свойства текста вообще не рассматриваются как существенные. По-видимому, именно абсолютный, бескомпромиссный характер антропоцентризма концепции Ю. Найды обеспечил ее универсализм: концепция оказалась применимой к любому виду перевода и любому типу текста.

Вместе с тем как любая теоретическая концепция в современной науке, она не исключает иных подходов к объекту изучения, и, в частности, таких, которые, оставаясь в рамках заявленной антропоцентрической парадигмы, расширяют представление о базовых понятиях: переводе и эквивалентности. Речь идет прежде всего о теории «скопос», предложенной Х. Фермеером и К. Райс в 70-е гг. [8]. Авторы предлагают рассматривать перевод в контексте теории деятельности, у которой есть прагматическая цель

(скопос), и тогда успешное воплощение цели становится единственным смыслом всего процесса; при этом критерием качества исполненной переводческой работы становится адекватность цели, а эквивалентность (соответствие тексту подлинника) отступает на задний план. Следовательно, любой, даже самый далекий, аналог подлинника, адекватный цели, подпадает теперь под понятие «перевод»; таким образом, понятие «перевод» расширяется. Решающим компонентом модели «скопос», вне всяких сомнений, является антропологический фактор: scopos задается заказчиком, осуществляется переводчиком и контролируется потребителем, именно эта триада обеспечивает процесс перевода на всех его этапах, достигая согласия по поводу адекватности scoposu.

Описанное осмысление перевода в рамках антропоцентрической деятельностной парадигмы неизбежно приводит к осознанию необходимости профессиональных этических рамок, ибо без них согласие сторон по поводу scoposu может превратиться в сговор. Не случайно К. Норд, развивая и комментируя теорию «скопос», уже под наименованием «функциональная теория», выдвигает в качестве необходимого условия достижения адекватности профессиональную ответственность переводчика [9].

Специфическим направлением антропологических исследований в сфере перевода в последние годы становится также процессуальная транслатология, изучающая те аспекты процесса перевода, которые непосредственно связаны с человеком, причем как нейрофизиологические, так и эвристические составляющие. Отметим в этой связи в первую очередь научную школу Барбары Мозер-Мерсер [7]. Однако деятельностный акцент в теории перевода оказывается продуктивным не только для привлечения антропологической составляющей, но и для разработки теории текста, ориентированной на перевод, то есть для создания текстоцентрических концепций.

Первая попытка создания развернутой и подробной транслатологической классификации типов текста была предпринята в начале 70-х гг. Катариной Райс. Рассмотрев возможности эмпирического, лингвистического и коммуникативного подхода, К. Райс предложила опираться преимущественно на коммуникативный подход, положив в основу коммуникативную функцию текста, и, следовательно, учитывать тип передаваемой текстом информации, характеристику источника и реципиента. В соответствии с этим она подразделила тексты на четыре основные группы, указывая на возможность пограничных случаев: информативные, экспрессивные, оперативные и аудиомедиальные тексты [10, с. 5–18].

На основе этой первой классификации возник ее «обогащенный» и несколько измененный вариант (изменилось название и количество групп), который

описан группой переводоведов в энциклопедии перевода «Handbuch Translation» в 1999 г. [11, с. 205–278]: примарно-информативные, примарно-апеллятивные и примарно-экспрессивные.

Эта первая классификация текстов, ориентированная на перевод, обнаружила ключевой характер понятия «текст» для стратегии перевода, показала безграничный диапазон текстового разнообразия.

Особым положительным моментом второго варианта классификации служит и изменение названий групп текстов. Компонент «примарно-» является более реальным отражением оформления текстов, о котором писала в свое время, в работе 1988 г., М. Снелл-Хорнби, подчеркивая, что между текстами нет четких границ, и предлагая создать прототипологию текстов, где у каждой категории текстов есть центр (прототип) и периферия [12].

Учитывая опыт создания первых классификаций текстов, ориентированных на перевод, мы сделали попытку выстроить непротиворечивую транслатологическую классификацию текстов и в ходе своего исследования [13] выявили в качестве релевантных следующие параметры: коммуникативное задание и вид передаваемой текстом информации; характер источника и характер реципиента; объективную меру переводимости текста как вторичного, а также предложили строить транслатологическую классификацию текстов в виде прототипологии. За основу, таким образом, взяты характеристики исходного текста (ИТ). При этом мы предполагаем, что при переносе текста в другую культуру и другую языковую среду ядро его коммуникативного задания сохраняется. Те случаи, когда коммуникативное задание переводимого текста (ПТ) отличается от коммуникативного задания исходного текста (ИТ) в предложенной классификации не учитываются. Изменение коммуникативного задания влечет изменение его языкового оформления и может рассматриваться как перевод с сопутствующей обработкой. Имеются в виду случаи переориентации текста на другого реципиента, в частности, адаптации текста для детей при переводе; сокращенный и выборочный перевод и др. Эти безусловно важные для теории и практики перевода случаи перевыражения текста несомненно интересны, они практически не затрагивались до сих пор исследователями и заслуживают отдельного рассмотрения в будущем. Выборочно были привлечены типы текста, предназначенные для устного перевода; исследовав их текстовые параметры, мы пришли к выводу, что они вполне могут быть включены в общую типологию, так как отличаются от прочих существенно лишь мерой прогнозируемой эквивалентности. Таким образом, хотя при построении данной классификации преобладают текстовые параметры, она может считаться объективной толь-

ко с учетом антропологического фактора (реципиент).

Оба фактора – антропологический и текстологический – наравне привлекаются в современных концепциях философии перевода. Так, в теории гармонизации, предлагаемой Л. В. Кушниной, выдвигается понятие переводческого пространства [14, с. 8–37], в котором происходит порождение гармоничного текста, и анализируются параметры этого текста (текстоцентризм). Далее, однако, сама гармония рассматривается как переводческое мировоззрение, и автор концепции определяет ее как «систему взглядов переводчика, основанную на индивидуально-образном осмыслении переводческой картины мира, складывающейся под влиянием нового пространственно-временного бытия текста перевода, вовлеченного в орбиту многочисленных смысловых преобразований (антропоцентризм)» [там же, с. 114]. Очевидно, что Л. В. Кушниной удастся объединить оба подхода, рассматривая перевод как процесс.

Наш далеко не полный обзор тенденций к антропоцентризму и текстоцентризму в современной теории перевода красноречиво свидетельствует о том, что оба подхода взаимно дополняют друг друга: антропоцентрические подходы не полны без понятия «текст», поскольку тексты – продукция переводчика; текстоцентрические подходы не могут не учитывать человеческий фактор. Соединяются они в рамках деятельностной парадигмы. Именно она позволяет напрямую учитывать достижения современной теории перевода в продуктивных дидактических моделях, совершенствуя методику подготовки переводчиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Копанев П. И.* Вопросы истории и теории художественного перевода / П. И. Копанев. – Минск, 1972.
2. *Буланин Д. М.* Древняя Русь : история русской переводной литературы / Д. М. Буланин. – СПб., 1995.
3. *Мартин Лютер.* 95 тезисов / Лютер Мартин / сост., вступ. ст., примеч. и коммент. И. Фокина. – СПб., 2002.
4. *Алексеева И. С.* Введение в переводоведение / И. С. Алексеева. – М. ; СПб., 2010.
5. *Федоров А. В.* Основы общей теории перевода / А. В. Федоров. – М., 1983.
6. *Федоров А. В.* Искусство перевода и жизнь литературы / А. В. Федоров. – Л., 1983.
7. *Nida E. A.* Toward a Science of Translating / E. A. Nida. – Leiden, 1964.
8. *Reiss K.* Grundlegung einer allgemeinen Translations-theorie / K. Reiss, H. Vermeer. – Tübingen, 1991.
9. *Nord Ch.* Fertigkeit Übersetzen / Ch. Nord. – München, 1999.
10. *Reiss K.* Texttyp und Übersetzungsmethode : der operative Text / K. Reiss. – Heidelberg, 1983.

11. Handbuch Translation / M. Snell-Hornby, H. Hönl, P. Kussmaul, P. Schmitt. – Tübingen: Stauffenburg, 1999.

12. *Snell-Hornby M. Translation Studies – An Integrated Approach* / M. Snell-Hornby. – Amsterdam ; Philadelphia, 1988.

Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена

Алексеева И. С., директор Санкт-Петербургской высшей школы перевода

E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Тел.: 8(812)570-08-92

13. *Алексеева И. С. Текст и перевод* / И. С. Алексеева. – М., 2008.

14. *Кушникова Л. В. Теория гармонизации : опыт когнитивного анализа переводческого пространства* / Л. В. Кушникова. – Пермь, 2008.

Herzen State Pedagogical University of Russia

Alexeeva I. S., Director St. Petersburg School of Interpretation and Translation (SCIT)

E-mail: i.s.alexeeva@gmail.com

Tel.: 8(812)570-08-92